

Александр Громов

Со дна

*Часть сборника
Звездная вахта (сборник)*

Александр Громов

Со дна

«ЭКСМО»

2012

Громов А. Н.

Со дна / А. Н. Громов — «Эксмо», 2012

«...— Тогда слушай дальше. – Пегий Удав внезапно перешел на «ты», что кого угодно наполнило бы гордостью. Подобно монархам древности вице-министр по делам Лиги «тыкал» лишь тем, кого полагал доверенным лицом. – Дно – сырьевая планета. Четыреста пятьдесят лет назад по условиям Фомальгаутского трехстороннего договора между Лигой, Землей и Унией она отошла к нам в качестве доминиона Терры. Земляне боролись за нее скорее ради проформы и в конце концов уступили: мир был нужен им сильнее, чем нам. С тех пор и по сей день Дно поставляет нам кое-какие металлы, ювелирные алмазы и биоматериалы естественного происхождения. Почти все это можно произвести и у нас, выйдет только чуть дороже. По сути дела, нас интересует не та небольшая прибыль, что дает нам Дно. Нас интересует сохранение статус-кво. Проблема обозначилась четыре года назад, и тогда мы не обратили на нее должного внимания. Дело в том, что почти на самом экваторе планеты торчит гора, самая высокая среди тамошних гор. Действующий вулкан. Носит веселенькое название Клоака Сатаны – и не без причины. Почти пять километров высоты. Ты, вероятно, хочешь спросить, почему высочайшая вершина планеты имеет столь скромную высоту? Ни о чем подобном Валентин спрашивать не собирался, но изобразил на лице заинтересованность...»

© Громов А. Н., 2012

© Эксмо, 2012

Содержание

Глава 1	5
Глава 2	10
Глава 3	16
Глава 4	20
Конец ознакомительного фрагмента.	21

Александр Громов

Со дна

Глава 1

Превратности жизни

«Ни за кого не ручайся», – предостерегал античный мудрец. Следовало бы уточнить: и за себя тоже. Валентин Ферфакс Эрик Исиро Прямухин и помыслить не мог, что имидж баловня судьбы однажды сыграет с ним злую шутку. А как хорошо все начиналось! Как ровно и поступательно шел Валентин по жизни, как легко поднимался со ступени на ступень!

Он происходил из старинной семьи, уважаемой не только на Терре, но и в доброй половине обитаемых миров. Его родословная по отцовской линии прослеживалась на две тысячи лет, а по материнской – и того дальше, вплоть до окутанного дымкой легенд земного периода истории человечества. Он был отдаленным потомком Данилы Прямухина, великого первопроходца, солдата и администратора, основавшего первую колонию на Терре и увековеченного в многочисленных скульптурах и живописных полотнах. Многие века предки Валентина поставляли Империи удачливых предпринимателей, храбрых воинов и толковых управленцев, а когда Терра, отколовшись, возглавила Лигу Свободных Миров – поставляли их Лиге.

И не зря, как видно. После долгого периода дипломатических, торговых, холодных и горячих войн Империя была вынуждена признать независимость Лиги. Это случилось почти тысячу лет назад. Галактическое человечество раскололось на две части, а с возникновением Унии и на три. В дальнейшем Империя мало-помалу ветшала, тогда как Лига только усиливалась. Валентин мог с гордостью сознавать, что процентов на десять Лига была обязана своим могуществом его, Валентина Прямухина, предкам.

Он был знатен, красив и не беден. В его жилах смешалась кровь многих народов, и казалось, что от каждого народа он взял только лучшее. Генетический разбор выявил в нем гены древних римлян и норманнов. Присутствовали германцы, бритты, славяне и венгры. Одним из его предков по материнской линии был японец Исиро Томита, знаменитый командир Молниеносной эскадры и главный автор победы в Битве шести флотов. В великую толпу других предков затесалось на удивление мало одиозных фигур и пустых прожигателей жизни. Природа сработала Валентина из качественного материала и на совесть.

К тридцати годам он дослужился до поста дипломатического советника второго ранга и уже выполнял ответственные поручения на второстепенных планетах Лиги. Он умел быть жестким, умел и обворожить. И то и другое получалось у него естественно, как дыхание. Стройный, высокий, с мускулистым торсом и копной золотистых волос, унаследованных от предков-викингов, Валентин привык, что на него оглядываются повсюду, где бы он ни появился: на дипломатическом приеме, на улице, на пляже. Он шел, а позади него женщины вздыхали и строили планы. Какая чушь!.. Толпе охотниц не по зубам такая дичь. Да он и не дичь – он сам охотник. Он всегда знал, чего хочет от жизни, и его недавняя помолвка с прелестной Вивьен Лоусон, дочерью финансового магната, должна была помочь ему подняться еще на одну ступень.

Он твердо знал, что достоин этого. Как и многого другого. В тридцать лет жизнь только начинается, впереди еще десятилетия больших дел и дальнейшего восхождения. Но тот, кто думает, что можно расслабиться хоть на год, хоть на день, никогда не поднимется к вершинам. И это правильно. Можно родиться в хорошей семье и с удачным набором генов, но это означает лишь занять удобное место на старте. Остальное в твоих руках.

И этого остального, признаться, до черта!

Когда Пегий Удав вызвал его к себе, Валентин насторожился, но то была приятная настороженность. Конечно, беседа могла сулить все что угодно, но сам по себе интерес первого вице-министра по делам Лиги к Валентину Прямухину говорил о многом. Немного неожиданно, но очень кстати! Пора, пора подниматься на новую ступень. Самое время.

Как всегда, Пегий Удав выглядел так, будто хотел наброситься на собеседника, стиснуть его в объятиях и отъесть голову. Несведущие пугались до впадения в ступор. Неоперившиеся дипломаты испытывали робость. Валентин держал себя корректно и бесстрастно: мол, школа у меня есть, и ты это видишь, что дальше?

– Гхм, – кашлянул наконец Пегий Удав, почувствовав, что затягивать паузу бесполезно. – Я ознакомился с вашим личным делом...

«Не сейчас ты с ним ознакомился и не вчера, – подумал Валентин. – Не твой стиль. Ты еще год назад, лысина пятнистая, положил на меня глаз. А если не год назад, то два. И таких, как я, у тебя на примете не один десяток, но выбрал ты меня».

Сделав на пробу еще одну паузу и посверлив Валентина взглядом, Пегий Удав дождался лишь легкого почтительного кивка: понял, мол. Жду, мол. Всегда, мол, готов.

– Отзывы о вашей работе в основном хорошие, – брюзгливо продолжил первый вице-министр. – Они вынуждают меня предложить вам проявить себя в сложном деле. Согласны?

Слово «вынуждают» он произнес с отвращением. Валентин внутренне улыбнулся и ничем себя не выдал. Старую гвардию не столкнуть с убеждения, что молодежь ни на что не годна, и старая гвардия с удовольствием демонстрирует это: пусть-ка молокосос заметит пренебрежение и в лепешку расшибется, дабы переломить негативное мнение о себе. Древний и пустой трюк.

– Согласен, – молвил Валентин.

Пегий Удав ввинтил в него взглядом еще один шуруп.

– Предупреждаю: дело не из легких. Речь идет о специальной миссии на планете Трон Аида, иначе называемой просто Дном. Не думаю, что вам известно о существовании этой планеты...

Пегий Удав ошибался: Валентин что-то слышал о Дне, но лишь краем уха. Кажется, среди миров, колонизированных людьми, этот был одним из самых дискомфортных. Что было логично: порядочную планету Дном не назовут.

Да и Троном Аида тоже.

– Советую вам подробно изучить материалы, – продолжал Пегий Удав, – а пока кратко введу вас в курс дела. Дно – поганый мир, возможно, самая поганая планета из населенных людьми. Это дно настоящей гравитационной ямы. Планета велика, масса ее огромна. Вы весите около девяноста килограммов?

– Примерно, – кивнул Валентин.

– Там вы будете весить двести двадцать. Весь персонал нашего торгпредства на Троне Аида пользуется экзоскелетами с гель-капсулой, и вам тоже придется. Иначе вы не продержитесь там и двух недель: либо сердце откажет, либо кости и суставы не сдюжат. Не переоценивайте свою физическую форму. Аборигены – жилистые коротышки, за тысячи лет там вывелась совершенно особая человеческая порода. Полутораметровый туземец – гигант по местным меркам... Что еще? Атмосфера под стать планете – плотная, как желе. Одно хорошо: не жарко и не холодно. Но ураганы такие, что скалы летают. Плюс землетрясения. Плюс вулканизм. Плюс местные формы жизни – по отзывам, совсем не подарок... Напугал?

Валентин позволил себе легкую, чуть-чуть пренебрежительную улыбку и смолчал.

– До сих пор вы работали на развитых планетах. – Тут Пегий Удав скривился так, будто сама мысль о том, что планета Лиги может быть развитой и благоденствующей, была ему отвра-

тительна. – Вы вправе спросить, почему я посылаю на столь паршивую планету именно вас. – Он сделал паузу и не дождался ответа. – Вы не хотите задать мне этот вопрос?

– Полагаю, у вас имеются веские основания, – сдержанно ответил Валентин.

– Даже не сомневайтесь. Во-первых, вы молоды, сильны и спортивны. Кто же и выдержит условия Дна, как не вы? А во-вторых, и это главное, вы неплохо показали себя в работе. У вас талант добиваться своего, не особенно раздражая оппонента. В-третьих, для того чтобы рекомендовать вас на более ответственный пост, мне не хватает сушей малости: по-настоящему трудного задания, с которым вы справились бы блестяще... Между прочим, я хорошо представляю, что вам предстоит, если вы согласитесь отправиться в этот ад, и даю вам право передумать и отказаться. Что скажете?

Кто бы отказался? Как всегда: толика лести и обещание перспектив... Начальство вечно ловит подчиненных на примитивную наживку – и те неизменно ловятся. Да еще подчас не без радости.

Никаких гарантий, если поймашься. Но если откажешься клюнуть на приманку – проиграешь наверняка. Разве есть выбор?

– Я согласен, – подтвердил Валентин.

– Тогда слушай дальше. – Пегий Удав внезапно перешел на «ты», что кого угодно наполнило бы гордостью. Подобно монархам древности вице-министр по делам Лиги «тыкал» лишь тем, кого полагал доверенным лицом. – Дно – сырьевая планета. Четыреста пятьдесят лет назад по условиям Фомальгаутского трехстороннего договора между Лигой, Землей и Унией она отошла к нам в качестве доминиона Терры. Земляне боролись за нее скорее ради проформы и в конце концов уступили: мир был нужен им сильнее, чем нам. С тех пор и по сей день Дно поставляет нам кое-какие металлы, ювелирные алмазы и биоматериалы естественного происхождения. Почти все это можно произвести и у нас, выйдет только чуть дороже. По сути дела, нас интересует не та небольшая прибыль, что дает нам Дно. Нас интересует сохранение статус-кво. Проблема обозначилась четыре года назад, и тогда мы не обратили на нее должного внимания. Дело в том, что почти на самом экваторе планеты торчит гора, самая высокая среди тамошних гор. Действующий вулкан. Носит веселенькое название Клоака Сатаны – и не без причины. Почти пять километров высоты. Ты, вероятно, хочешь спросить, почему высочайшая вершина планеты имеет столь скромную высоту?

Ни о чем подобном Валентин спрашивать не собирался, но изобразил на лице заинтересованность.

– Потому что она вовсе не скромная, если вспомнить о силе тяжести на Дне, – пояснил Пегий Удав. – Гравитация просто плющит горы, а ураганы норовят сгладить все, что торчит. Пять тысяч метров – это очень много для Дна. Однако дело не в том. Четыре года назад туземное правительство втайне от нас начало работы по прокладке на западном склоне горы канала громадной электромагнитной катапульти. Туземцы много на себя берут. Они в космос хотят выйти, в космос! – Последние слова вице-министр почти выкрикнул.

Валентин иронически приподнял бровь, в то время как мысль его напряженно буравила глубинные слои памяти. Что-то тут было не так... Вспомнил!

Дополнительный протокол к Фомальгаутскому договору, принятый в качестве подачки гнилым либералам. Параграф, согласно которому народ любой планеты, независимо от того, под чьим патронажем она находится, самостоятельно осуществивший выход в космос, автоматически обретает право суверенности. Этаким тест на зрелость нации. Чтобы его пройти, достаточно иметь нуль-передатчик и вывести его на высокую орбиту, где гравитационное поле планеты и ее магнитосфера не внесут в сигнал-заявку характерных искажений. Разумное условие. Без него было бы куда как просто украсть или тайно купить нуль-передатчик и послать сигнал прямо с поверхности...

Насколько помнил Валентин, на практике этот способ достижения независимости за четыре с половиной столетия сработал трижды... или четырежды? Нет, все-таки трижды. Не много. Что вполне понятно: большинство старых планет-колоний добилось независимости еще во время Первой галактической войны. И Земле, и Унии, и Лиге выгодно было тогда иметь сознательных приверженцев вместо озлобленных недоброжелателей. Кто мечтал о формальной, хотя и очень иллюзорной независимости и мог ее добиться, те и добились. После войны колониальные империи превратились в соперничающие блоки. В ранге колоний, протекторатов и доминионов остались лишь совсем никудышные миры...

Слаборазвитые. Либо бесперспективные, колонизированные когда-то по ошибке, либо населенные ленивым народцем или сектантами с неисправимым мозговым вывихом, либо очень сложные, обещающие хоть что-то лишь в отдаленной перспективе.

Видимо, Дно – из числа последних?

Никаких поспешных выводов Валентин делать пока не стал. Да и некогда было.

Усеянная старческими пигментными пятнами лысина Пегого Удава блестела от пота. В разговоре с молокососом, пусть даже подающим надежды, он мог позволить себе не сдерживать эмоции.

– Должен сознаться: своевременно получив информацию, мы проявили беспечность, почти преступную беспечность! – рычал он. – Во-первых, мы недооценили технический уровень аборигенов, а ведь он примерно соответствует техническому уровню Земли в начале космической эры. Во-вторых, мы чересчур понадеялись на природные факторы Дна. Да, атмосфера плотная, а планета тяжелая – забросить на орбиту даже маленький спутник не так-то просто. Да, аборигенам дважды пришлось, по сути, начинать все сначала: в первый раз их работу уничтожило землетрясение, во второй раз – ураган. Но они учли ошибки и теперь близки к цели. Пройдет месяц, самое большее два – и эти обезьяны добьются своего! А добившись независимости де-юре, они примкнут не к Лиге, а к Унии или, хуже того, к Империи землян!

Валентин внимал. Он уже понял, что от него требуется, но, конечно, помалкивал. Поставить задачу должен был Пегий Удав, это его прерогатива. На то начальство и существует – ставить задачи.

Внезапно вице-министр вновь замолчал. То ли успокаивался, бормоча про себя специальные мантры для аутотренинга, то ли изучал реакцию Валентина. А скорее всего, занимался тем и другим сразу.

– Вы должны сделать так, чтобы никакой спутник никогда не был запущен с той катапульты, – сказал наконец он ровным голосом. – И постарайтесь, чтобы никто не обвинил в этом ни Терру, ни вообще Лигу. Это трудно, понимаю, но попытайтесь. Главное, конечно, результат. Не выйдет сработать тонко – работайте грубо. Не мне вас учить. Вам окажут всемерное содействие. Срок подготовки очень краток. Могу дать пять-шесть дней, не больше. После чего вы отбудете на Трон Аида, постараетесь там адаптироваться и выполните вашу работу. Понятно или надо повторить?

– В этом нет необходимости, – улыбнулся Валентин.

– Вопросы?

– Мой официальный статус?

– Третий секретарь торгпредства. Вы не должны чересчур высываться. Но, разумеется, можете рассчитывать на всемерное содействие персонала. Торгпред получил соответствующие указания. Еще вопросы?

– Пока нет. Но по изучении материалов, думаю, появятся.

– Вижу, вы не из тех, кто порет горячку, – ворчливо одобрил Пегий Удав. – Тогда ступайте. И помните: важнее всего вывести из строя катапульту, по возможности навсегда. Пусть выбросят из головы мысль о суверенитете...

Все-таки повторил. Все старики считают молодых несмышленишками. Стоит ли удивляться тому, что молодые считают стариков унылыми занудами?

«Сегодняшнюю встречу с Вивьен придется, пожалуй, отменить», – подумал Валентин, покидая кабинет.

«И завтрашнюю», – подсказал ему внутренний голос.

Глава 2

«Вспучилось и полезло»

К вечеру Валентин знал о Троне Аида все, что следовало знать. Он ввел себе базовые сведения через ментограф, после чего с удовольствием поспал три часа, чтобы не выглядеть ошалевшим от мозговой перегрузки. Но перед этим он провел короткую, но интенсивную тренировку в спортзале – сначала при нормальной тяжести Терры, а затем в гравикамере при полуторном весе. Врач настойчиво рекомендовал привыкать к тяготению Дна постепенно.

В многочисленных документах, поглощенных извилинами Валентина, планета чаще фигурировала под официальным названием Трон Аида, но встречалось и Дно. Обычная история: официально признанное, хотя и мрачноватое название, по мнению многих, недостаточно отражало суть, и авторы документов вольно или невольно сбивались на просторечие. К тому же сами аборигены весьма откровенно именовали свой мир Дном, а себя – донниками.

Самоуничжение? Похоже, да. Но само по себе оно еще ни о чем не говорило. Бывает привычное самоуничжение покорного раба – и бывает самоуничжение демонстративное: мол, считайте нас кем угодно, хоть глистом полосатым, мы не станем возражать, мы даже изобразим, будто нас и не могут звать иначе, но сами-то мы лучше вас знаем, кто мы такие, и однажды заставим считаться с нами... Переважив информацию, Валентин решил, что правящая верхушка, пожалуй, придерживается второй линии поведения, основная же масса населения – первой.

Тупы. Невежественны. Слишком поглощены примитивной борьбой за существование, чтобы развить в себе амбиции. Рядовому доннику незачем рваться в космос; подари ему экзоскелет с гель-капсулой – он по гроб жизни будет счастлив. Ясно, что с вербовкой агентуры на Дне не должно быть проблем.

О том же говорили и донесения. Однако к подбору агентуры рекомендовалось подходить с особым тщанием: агенты из донников, как правило, получались вполне лояльные, но при том безынициативные и на редкость тупоумные. В разработанные для Дна принципы вербовки Валентин не стал вникать – не его это дело. Агентурная сеть на Дне уже существовала и была достаточно разветвленной, чтобы не ветвить ее дальше.

Он проглотил колоссальное количество информации о планете. Дно сравнивали с Ураном – сноски уточняли, что речь идет о том Уране, что бродит по орбите в системе Солнца, или с более привычным для жителя Терры Асмодеем, если только допустить, что орбиты Урана и Асмодеея проходят поближе к своим звездам. Планета имела крупное железное ядро, средняя плотность ее была высока. Магнитное поле заставляло заметно отклоняться подброшенный вверх стальной шарик. Пять шестых поверхности занимал океан, суша ограничивалась одним гигантским материком сложной конфигурации и несколькими вулканическими архипелагами. Содержание кислорода в воздухе было небольшим, но при огромном атмосферном давлении вполне достаточным, чтобы дышать без маски. Местные формы опасных для человека микроорганизмов отсутствовали. («Уже легче», – подумал Валентин.) Зато – не соврал Пегий Удав! – присутствовала чрезвычайно разнообразная макрофауна, бегающая, ползающая, плавающая и летающая. Бегающие и ползающие твари не отличались гигантизмом, зато в океане водились организмы колоссальной величины, а плотный воздух легко держал тоже немаленьких и притом зловредных летунов. Валентин лишь хмыкнул, уяснив себе, что хищники Дна чем-то напоминают освоивших планету людей: такие же примитивные, безмозглые и прямолинейные в своих устремлениях.

Но главное, конечно, тяжесть – неподъемная, нестерпимая для человека с Терры. Дураку понятно, почему столь жалкий мир удостоился статуса доминиона, а не прозябает в рядо-

вых колониях: никакая присланная из метрополии колониальная администрация не выдержит длительной работы на Дне. Проще сформировать правительство из влиятельных и лояльных туземцев...

Не очень-то лояльных, как выяснилось.

Никогда еще Валентину не приходилось работать в столь поганых мирах. До сих пор руководство сектора задействовало его энергию и интеллект лишь на развитых планетах. Разумеется, не на таких развитых, как Терра, но все же полноправных членах Лиги, гордящихся своей кажущейся свободой. Напыщенность туземцев забавляла молодых дипломатов. Поначалу Валентин с трудом сдерживал улыбку, беседуя с очередным местным прыщом, пытающимся казаться горой. Потом привык и хорошо изучил провинциалов. Ему начали поручать ответственные задания. Лишь за последний год он успешно провел переговоры с Эолом о новом торговом соглашении, свалил правительство на Тангейзере и много способствовал нейтрализации агентуры землян на Лиловой Кляксе. Чего ж еще?

Трон Аида, вот что еще! Это задание – барьер, фильтр для непригодных. Это стена, которую надо проломить. Известно: вице-министр не жалуется молодых да ранних. Либо он хочет как следует пошlifовать перспективного молодого дипломата, сунув его на адскую планету и рассудив, что хуже не будет, либо надеется, что чересчур прыткий молокосос сломает там себе шею.

Валентин задумался лишь на несколько секунд. Нет, второе вряд ли: высоковаты ставки. Если донники запустят спутник, то его ноль-сигнал будет принят во всех уголках Галактики спустя считанные минуты. Анализ сигнала и определение галактических координат источника также не займет много времени. Максимум через десять часов на орбите планеты повиснут крейсера Земли и Унии – поди, тронь их!

И тогда придется отступить, стерпев шелчок по носу. Лиге не нужен военный конфликт, Лига не готова, а Империя землян давно оправилась от той взбучки, что дала ей Лига в последней войне, и охотно подгребет под себя еще одну планету потенциального противника, будь то полноправный член Лиги или жалкая колония. Курочка по зернышку клюет.

Позвонило непосредственное начальство, посоветовало зайти в стационар. Валентин зашел – и в первую минуту не узнал Дональбайна Прусиса. Старый приятель и одноклассник выглядел так, будто его совсем недавно старательно молотили кулаками, топили и пытались четвертовать лошаадьми, причем проделывали все это одновременно, а перед экзекуцией неделю мучили бессонницей. Но бывший резидент Терры на Дне был счастлив, как мышь в сыре, поминутно подпрыгивал на койке и болтал без умолку.

– О! – закричал он, увидев Валентина. – Кого я вижу! Представляешь, эти вредители мне вставать не велят! Связки, говорят, лечить надо, позвонки и требуху. Пользуются тем, что я дисциплинированный пациент. Дурни! Да я сейчас летать готов! Я бы со штангой в руках в высоту прыгал!..

– Давно со Дна? – спросил Валентин, присаживаясь.

– Вчера. Последнее время дни считал, клеточки зачеркивал... А ты, как я слышал, меня заменишь?

– Похоже на то.

– Не кисни, выдержишь. Ты здоровый. Но качайся, пока еще здесь. Там пригодится. Большие у меня мешки под глазами?

Мешки были огромные, пугающие, все в мелких красных жилках, Валентин никогда таких не видывал, но решил не огорчать Дональбайна:

– Умеренные.

– Врешь. Я-то знаю. Планета меня недожевала, теперь тебя жевать станет. И у тебя такие же мешки будут недели через две-три, готовься. А лучше сделай дело раньше. Я вот не успел... и не жалею! Лавры пожнешь ты, а я не жалею, понял? Нет? Там поймешь...

– Настолько плохо? – осторожно спросил Валентин.

– Ну, если тебе удастся не вылезать из гель-капсулы или бассейна, то, в общем, терпимо. Только ведь не удастся! Вот тогда и пожалеешь, что на свет родился...

– А хорошего о планете ничего не скажешь?

Дональбайн задумался. Хмыкнул:

– Там замечательно красивое солнце.

– И только-то?

– А что, мало? Оно желтовато-зеленое. И еще луны, много лун. Штук пятнадцать, наверное. Очень, знаешь ли, красиво бывает, когда они выстраиваются в ряд в ночном небе. Только ничего этого простым глазом не видно: на Дне всегда облачность в десять слоев.

– Тогда зачем ты рассказывал о солнце и лунах, черт бы тебя побрал?

– Ты спрашивал о хорошем.

– Ладно, – проворчал Валентин. – Язык тебе, я вижу, лечить не надо. Давай о плохом. Тебе велено ввести меня в курс дела, ну так вводи.

Половину из того, что рассказал Дональбайн, Валентин слушал уже по второму разу, но не перебивал. Торгпредство находится в столице. Врата нуль-канала – одни, на территории торгпредства. Свирепые меры безопасности. Без пропуска, заверенного на самой Терре, никакой туземец сквозь Врата не пройдет. Экспортируемые со Дна грузы проверяются крайне дотошно, да и невелики те грузы... Означенный вулкан – в трех тысячах километров к юго-западу от столицы. Активен. Лавовые потоки и пирокласты сходят по преимуществу с восточного склона, реже с северного, западный же склон относительно безопасен. Там-то аборигены и строят свою электромагнитную катапульту...

Дональбайн углубился в технические подробности. Диаметр катапульты – девять метров, длина превышает пятнадцать километров, столько-то титанических электромагнитов установлено, столько-то гигаватт энергии можно подвести по линиям электропередачи, такую-то скорость на выходе может развить тысячетонная ракета, прежде чем включатся ее маршевые двигатели, угол вылета такой-то...

– Скажи проще: у них получится? – спросил Валентин, слегка заскучав.

– Откуда ж мне знать? – удивился Дональбайн. – Разве я инженер или баллистик? Наши специалисты считали и говорят: у них может получиться. Может. А получится на деле или не получится – это уж не в их власти. Но если и получится, то лишь при большом везении и на самом пределе...

– Это точно?

Дональбайн отчего-то развеселился.

– На Троне Аида ничего не может быть точным, – захихикал он. – Там поймешь. Главное – что? Теоретически донники могут запустить спутник. А надо, чтобы они не могли его запустить ни на практике, ни даже в теории. Всего-то. Знаешь, у всякого порядочного народа все главное либо впереди, либо позади, но только не у туземцев Дна. Оно у них сбоку. Все вехи истории проплыли мимо донников, а те их даже не заметили. Вот пусть и дальше не замечают.

В другой раз Валентин осадил бы Дональбайна – ишь, взялся поучать и ставить задачи, словно имеет на это право! – но сейчас смолчал и виду не подал. Пусть болтает. Пусть даже в полной мере ощущает свое превосходство над тем, кто еще не побывал на Дне. Все равно лавры пожнет тот, кто завершит миссию, а не тот, кто сломался перед финишем.

– Очень хорошо, – сказал он. – А откуда у них нуль-передатчик?

– Неизвестно, – пожал плечами Дональбайн. – Наверное, украли, а потом скопировали. Их уровень это позволяет. Но какая, скажи, нам теперь разница?

– Никакой, ты прав, – проговорил Валентин. – На орбите вокруг Дна мы что-нибудь имеем?

– Только законсервированную автоматическую станцию на одном из дальних спутников. Ей сто лет. Мертвый хлам. Так что, считай, ничего нет.

– Гм... А почему, собственно?

– Потому что незачем. Есть Врата, их вполне хватает, так зачем же посылать туда корабли?

– Но ведь это поправимо, не так ли? Чего-то я тут не понимаю... Скажи: почему бы не уничтожить этот спутник донников, чуть только он высунет нос из атмосферы? Трудно повесить на орбиту три-четыре патрульных катера и просто-напросто подождать?

– Ого! – Дональбайн даже глаза выпучил. – Видно, что ты не технарь. Ты вообще хоть раз видел нуль-передатчик?

– Представь себе, ни разу.

– Это вот такая фитюлька. Плюс батарея, плюс таймер, плюс антенна. Вся эта начинка легко влезет в корпус размером с кулак, а больше ничего и не надо. Мы просто не сможем обнаружить такую кроху. Работу двигателей ракеты в атмосфере тоже не удастся засечь из-за жуткой облачности до больших высот. Я ведь говорил уже. Но если даже и засечем на финальном отрезке, то вряд ли успеем что-то сделать до отделения спутника, а там сразу его потеряем. Вокруг Дна каких только камней не летает... Помимо лун там еще куча мелких спутников и система колец, ты знаешь?

Это Валентин уже знал. Не понимал только, почему нельзя запросто обнаружить искусственный спутник и уничтожить. Приходилось брать на веру – Дональбайн был широко эрудирован в вопросах, не имеющих прямого отношения к дипломатии.

– Ладно, – сдался Валентин. – Теперь расскажи о политической системе и раскладе сил на текущий момент.

Отекшая рожа Дональбайна выразила недоумение.

– Ты же изучал материалы...

– Эти – не в полном объеме, – слукавил Валентин.

– Хм... – Дональбайн задумался. – Хм... – проговорил он спустя минуту еще раз и подмигнул чудовищным глазом, чего подглазный мешок даже не заметил. – Тебе это надо? Хочешь моих субъективных впечатлений? Вижу, хочешь... Другой бы послал тебя зубрить, но я добрый. Только сделай для меня одну вещь в порядке взаимопомощи. Сделаешь?

– Смотря какую.

– Постою у двери на стреме, а я покину это лежбище и чуток разомнусь. Увидишь, что бежит медицина, – возьми ее на себя, отвлеку вредителей...

Валентин засмеялся и кивнул.

В тот день он успел еще раз провести тренировку при полуторной тяжести, а назавтра, добив основные материалы по Трону Аида, продолжил изнурять себя в гравикамере. Сон, размышления, новая тренировка, ментограф, опять тренировка, опять сон, вызов к начальнику сектора, и снова тренировка... Встретиться с Вивьен снова не получилось, и, кажется, она надулась. А Валентин, посмотрев на себя в зеркало, подумал, что не нужно откладывать прощальное свидание на последний день, не то невеста, пожалуй, разочаруется в избраннике. Тренировки при повышенной тяжести – сегодня он постепенно увеличил ее с полуторной до двойной – уже сказались на физиономии. До жутко отекающей морды Дональбайна дело пока не дошло, но из зеркала на Валентина смотрел отнюдь не гладкий дипломат с не лишенным признаков мужественности фальшиво-открытым лицом, а какой-то сомнительный потасканный тип. Осанка пока не пострадала, и на том спасибо.

На четвертый день он решил, что достаточно подкован в политическом болотце Дна, чтобы не угодить с первых шагов в гиблую трясиину. По мнению Дональбайна, по мнению торгпреда, по мнению начальника сектора и, что еще важнее, по мнению Пегого Удава, правящая на Дне партия лоялистов водила метрополию за нос, и до недавнего времени довольно успешно.

Еще полгода назад премьер-министр Дна категорически отвергал саму мысль о том, что какие-то силы на планете готовятся запустить спутник. Премьеру демонстрировали вещдоки: снимки с дирижабля, копии документов о перемещениях строительных материалов, машин и финансов. Премьер – изрядный сукин сын – клялся в непричастности и обещал провести расследование. После третьего напоминания он и в самом деле распорядился создать правительственную комиссию по проверке фактов. За три месяца работы комиссия пришла к глубокомысленному заключению о том, что работы по созданию собственной ракетной техники Дна действительно ведутся и финансируются консорциумом «Чистое небо», поддерживающим оппозицию, однако носят сугубо предварительный характер и никаким боком не связаны с космосом. По мнению комиссии, проект запуска со Дна собственного спутника сугубо фантастичен и никогда не будет осуществлен. Максимум – небольшие ракеты для изучения атмосферы...

Почему? Чиновные туземцы улыбались и деликатно призывали раскрыть глаза пошире. Это Дно! Кто вкусил все его прелести, тот поймет. Что до упомянутого консорциума, то он на законных основаниях получил лицензию на разработку полезных ископаемых в районе, где находится упомянутый вулкан. Уверяем, что все возведенные там сооружения имеют отношение лишь к горным работам и, конечно, являются временными. Да и может ли быть иначе, если следующее извержение или ураган почти наверняка снесет их без остатка?..

Туземцы прикидывались дурачками, это было ясно. Они ввали, и премьер врал. По настоянию Терры были устроены две инспекционные поездки. Первая закончилась крушением дирижабля, причем никто не выжил, а вторую возглавлял Дональбайн Прусис. Валентин закачал в себя сухой отчет и отправился к Дональбайну за подробностями.

– Что там за катавасия случилась? Выкладывай.

За трое суток физиономия старого приятеля стала несколько больше походить на человеческую. С опорной системой было хуже – Дональбайн лежал в каком-то приспособлении, напоминающем помесь экзоскелета с пыточным устройством, и, кажется, подвергался медленному вытяжению. Наверное, ему все же не стоило чересчур активно прыгать и кувыркаться, радуясь возвращению в мир нормальной тяжести.

– Привидения, – пробурчал Дональбайн.

– Прошу прощения?

– Да не здесь! У меня с головой все в порядке. Что смотришь? Не веришь – спроси моих мучителей. Я и на Дне с ума не сходил, а привидения там видел! Как раз в той инспекционной поездке. Думал, галлюцинирую...

– Ты видел привидения на Дне? – спросил Валентин.

– Видел. Никакой мистики, но пугает здорово. В моем отчете этого нет, но тебе скажу. Как только мы высадились на склон вулкана, тут оно и началось. Вспучилось и полезло неизвестно что – из трещины в склоне, наверное. Моргнуть не успел, глядь – качаются этакие туманные твари пяти метров ростом, щупальца тянут. Нестойкие квазибиологические коллоидные структуры – так мне потом объяснили. Любопытны и глупы как пень. То ли примитивная жизнь, то ли вообще не жизнь, кто ее разберет. Сильно опасными их не считают, но я тебе так скажу: если бы я не побежал от них что есть духу, в штаны бы точно наложил. Жутко очень.

Валентин сочувственно покивал: ничего, мол, бывает.

– Вы нашли там только развалины старых шахтных построек и руины лагеря горняков, – сказал он. – Причем не на склоне вулкана, а на равнине недалеко от него. А у тебя не сложилось впечатление, что туземцы водили инспекцию за нос? Возможно, и встреча с привидениями была не случайной, и вулкан был не тот? Как проверишь? Космической системы навигации на Дне нет, снимков из космоса для сравнения тоже нет и при вечной облачности даже в принципе быть не может...

– Не сыпь соль на рану, – проскрежетал Дональбайн. – Сам об этом думаю. Тогда мы ослы и нет нам прощения. Только учти: на Дне человек здорово глупеет, я имею в виду – нормальный человек. Ему там не о том думается. Так ты это учти и прими меры, какие сможешь...

– А туземцы?

– Глупые обезьяны. И хитрости-то у них обезьяньи!

«Но ведь ты-то попался на обезьянью хитрость», – подумал Валентин.

Дональбайн скрипнул зубами и отвернулся. Вероятно, он подумал о том же самом.

Глава 3

Билет домой

Первым, что увидел над собой Валентин, проснувшись, была замеченная еще вчера ветвистая трещина в потолке. Валентин повернул голову, что далось ему не без труда, и увидел, что трещина распространяется и на стену. Тогда он вспомнил, где находится, и издал неслышимый стон.

Трон Аида. Дно. Тяжелая и притом сейсмическая планета, давно сгореть бы ей в космическом катаклизме. Жилая часть торгпредства.

Он не пробыл на Дне и суток – суток по счету Терры, поскольку сутки на Дне были вдвое короче, – и уже мечтал о возвращении. А ведь только вчера на Терре он довел перегрузку в гравикамере до кондиций Дна, научился двигаться без риска сломать или вывихнуть себе что-нибудь и вообразил, что можно так жить!

Нет, «жить» – это большая натяжка. Но уж во всяком случае продержаться несколько недель или, если сильно не повезет, месяцев. Так думалось.

Оказалось, что носить тяжести хорошо лишь тогда, когда в любой момент можешь избавиться от лишнего груза.

Грузом был он сам. Ныли мышцы. Вчера Валентин мужественно прошел долгую отсидку в шлюзовой гравибарокамере перед Вратами и столь же мужественно продержался несколько часов, знакомясь с временным начальством, новыми коллегами и новой обстановкой. К концу дня он лишь чрезвычайным усилием воли мог поддерживать непринужденную беседу. Ноги дрожали, кожа сочилась липким потом, челюсть все время норовила отпасть под собственным весом, все труднее становилось держать свинцовые веки, и даже ухоженная золотистая шевелюра показалась чрезмерно тяжелой. Мнилось, что она способна оттянуть скальп до самых пяток.

При этом он больше сидел, чем ходил, и больше лежал, чем сидел. Еще плавал. Глава торгпредства принял его в бассейне, и Валентин не заставил повторять дважды приглашение скинуть одежду и освежиться. Вода не только освежала – она держала. Лишь в ней, да в геле-капсуле подогнанного по росту и опробованного экзоскелета, да еще в геле-кровати можно было почувствовать себя человеком. Несомненно, превыше всех законов физики здешние старожилы почитали закон Архимеда.

Воздух внутри здания, фильтрованный и кондиционированный, все равно оставался воздухом Дна. Невозможно было шевельнуться, чтобы не ощутить его упругое сопротивление. Уроненная со стола бумажка, выписывая самые замысловатые кренделя, планировала на пол столь долго, что надоедало следить за ее траекторией. Шум в ушах, сильный вчера, сегодня ослаб, но не пропал, намекая, что намерен остаться с Валентином надолго. Мысль о том, что в воздушной среде привычной плотности ему пришлось бы таскать еще килограммов двадцать лишнего собственного веса, не очень-то грела. Торгпред вчера рассказывал за рюмкой крепкого, что где-то на крайнем юге материка якобы существует глубочайшее ущелье, по мере спуска в которое воздух постепенно сгущается все сильнее, пока не доходит до кондиций настоящей жидкости. Врал, наверное. Пересказывал мифы. Но не приходилось удивляться тому, что наиболее ходовым видом воздушного транспорта аборигенов служили дирижабли, причем мягкой конструкции – такие, чтобы можно было скатать их гондолы, выпустив из баллонов газ, и убрать пустые оболочки в подземные укрытия с началом сезона ураганов...

Убожество.

Но – контролируемое убожество. Помимо дирижаблей летали самолеты и вертолеты, по автострадам Дна перемещались приземистые, как черепахи, машины, способные устоять на

дороге при сильном ветре, работала промышленность, где-то и как-то выращивались урожаи, и на десятки километров по лавовым равнинам расстилались города с коническими или пирамидальными зданиями, устойчивыми к ураганам и землетрясениям. Лишь здание торгпредства назло местным стихиям нахально торчало серым кубом. Наверняка туземцы были уверены, что долго оно не простоит...

Трещина в потолке спальни склоняла к той же мысли. Что ж, долго он здесь не задержится. Валентин решил это твердо. Он выполнит задание, донники и думать перестанут о том, чтобы запускать в небо спутники, нарождающийся сепаратизм туземцев будет подавлен самой планетой при некотором участии эмиссара с Терры – и домой, домой! Разрушение катапульты – это и есть билет домой. С триумфом. Со щитом и всевозможными венками.

Он прокрутил в уме картинки, выданные ему специалистами, понимающими техническую сторону проблемы. По их мнению, обыкновенная электромагнитная катапульта не способна обеспечить ракете-носителю необходимый предварительный разгон – помешает торможение о воздух. В этом пункте Валентин был согласен со спецами безоговорочно: тот, кто пробыл на Дне хоть час, надолго запомнит эту желеобразную среду, которой приходится дышать. Значит – что? Инженеры указывали: катапульта должна быть построена по принципу пневмотрубы, воздух перед разгоняемой ракетой должен отсасываться, а позади нее – нагнетаться. Стало быть, относительно герметичная труба, ее торцы должны быть закрыты некими заслонками, и на конечном этапе предварительного разгона выпускная заслонка должна открыться автоматически, скорее всего, одновременно с запуском маршевых двигателей ракеты. Сама по себе принципиальная реализуемость такого стартового комплекса не вызывала у инженеров сомнений. Валентин и тут с ними не спорил: люди справляются и не с такими проблемами.

Но то люди, а то донники!

Вчера Валентин посмотрелся на них вдоволь – и на гостей торгпредства, и на обыкновенных горожан. Не вняв советам, он решился на прогулку по столице. Преступность на Дне практически отсутствовала, да и кто осмелился бы напасть на гостя из метрополии? Закованный в экзоскелет, он возвышался над туземцами, как титан над гномами. Гномы едва доставали титану до коленного сустава. По сути, экзоскелет был большим шагающим роботом, несущим в себе гель-капсулу с человеком. Гель был замечательный: не прилипал ни к коже, ни к одежде и благодаря архимедовой силе значительно снижал вес.

Все равно было тяжеловато, особенно шее. Можно погрузиться в гель по самый подбородок, но кочан головы все равно будет торчать сверху и давить, давить на позвоночный столб...

Прогулка преследовала еще одну цель. Торгпредство выходило фасадом на широкую улицу, и Валентин прошел ее всю, неприязненно косясь на приземистые конусы и пирамиды туземных домов. В конце он якобы случайно свернул в тупик и немного потоптался там, прежде чем с видимым неудовольствием обнаружил отсутствие дальнейшего пути. Это был сигнал агенту Астра о выходе на связь. С него Валентин решил начать. Ругая тупоголовых туземных агентов, Дональбайн отзывался об Астре сравнительно благосклонно.

Наверное, агент Астра жил где-то неподалеку. Вероятно, он имел техническую возможность постоянно отслеживать тупик. Еще позавчера Валентин удивлялся: не дурак ли Дональбайн, раз выбрал столь бросающийся в глаза сигнал? На Дне пришлось убедиться: нет, не дурак. Донники тупы по самой своей природе. Они слишком поглощены борьбой за выживание, их интеллект, если о нем вообще можно говорить, изошрен только в этом. Подумать только – у них практически нет преступности!

А почему? Вчера Валентин удивился, узнав об этом. Сегодня, размышляя и сопоставляя, он согласился с мнением экспертов: выжить на Дне можно только сообща. Помогая друг другу бескорыстно и не дожидаясь просьбы о помощи. Так они и выжили, а всевозможные хитрованы-индивидуалисты, не говоря уже о клинических асоциалах, выбраковывались есте-

ственным порядком на протяжении тысячелетий, пока их практически не осталось. Будь иначе, человечеству просто не удалось бы зацепиться за Дно...

Продираясь сквозь густой воздух, продавливая его, чувствуя себя мухой в сиропе, Валентин клял донников за то, что у них не случилось иначе. Тогда бы не было на этой планете людей, мечтающих, видите ли, о запуске спутника!

Он попытался представить себе местную криминальную полицию и расхохотался бы, будь он менее вымотан прогулкой. А контрразведка? Наверное, она существует, коль скоро правящие круги Дна не лишены примитивных понятий о хитрости, – но где она? Пока не видно. И Дональбайн не ощущал ее внимания, и его предшественники... Наверное, и ощущать-то нечего. А жаль! Как ни противно бороться со слабосильными, Пегий Удав выше оценит победу, если на пути к ней донники воздвигнут коварные – по их убогим представлениям – препятствия.

Гонимое ветерком, проплыло зеленое облачко воздушного фитопланктона. На всякий случай Валентин обошел его стороной, хоть и дышал сквозь фильтр. Дымя смрадным выхлопом, пронеслась на бешеной скорости – километров сорок в час – черепахоподобная механическая повозка, и ощутимо ударил в лицо взбаламученный воздушный кисель. Протопали двое туземцев, катя детскую коляску – немалой прочности конструкцию на толстых осях. Имей коляска гусеничный ход, Валентин не удивился бы: какова планета, таковы и конструкции. Лица туземных коротышек дивно гармонировали с цветом дорожного покрытия. «Какие-то они тут все серые, – подумал Валентин. – Ультрафиолета мало, так, по идее, туземцы должны быть белые вроде мучных червей, а они серые. И планета у них серая, и жизнь наверняка такая же...»

Бабах! Тах-тах-тах-тах!.. Бабах!..

Валентин вздрогнул от неожиданности и боли в барабанных перепонках. Пальба велась с нескольких точек, и каждый выстрел болезненно бил по ушам. Бабах! Бабах! Тах-тах-тах-тах-тах... Кретины!.. Куда стреляют, в кого стреляют, зачем стреляют?..

Он не успел оглядеться по сторонам. Невероятной силы удар обрушился на него сзади. Испугаться Валентин тоже не успел. Падая вперед, он с болезненным интересом размышлял: выдержат ли ребра экзоскелета такой удар о мостовую?

Упав, он отключился всего лишь на секунду. Экзоскелет был вроде цел, он по-прежнему повиновался малейшим движениям мышц, и гель-капсула исправно уменьшала тяжесть тела, но почему-то сильно болела правая лопатка. Ранен?.. Валентин поднялся на четвереньки, затем встал во весь рост и осмотрелся.

А посмотреть было на что. Парочки с коляской и след простыл, зато там, где она только что была, с хриплым криком корчилась огромная кошмарная тварь, разевая зубастый клюв и молотя по мостовой кожистыми крыльями. Еще с десяток таких же тварей кружили над городом, временами ныряя к самым крышам и вновь взмывая в серое клубящееся небо. По ним били с нескольких точек. Тах-тах-тах-тах! – захлебывались малокалиберные зенитки. Бабах! – мучительно для барабанных рявкали орудия покрупнее. Быстро гася скорость в плотной воздушной среде, снаряды становились видимыми и круто поворачивали к земле. Вот одна крылатая тварь наткнулась на россыпь излетных снарядов, но лишь взмахнула крыльями, недовольно вякнула и поднялась выше. Другой бестии повезло меньше – ее развороченное туловище неспешно, как в замедленной киносъемке, кувыряясь, падало на конические кровли.

Валентин досмотрел представление до конца. Две твари были убиты, одна подраненная ушла со снижением, остальные вышли из зоны поражения и растворились в мутном небе. Буравя воздушный кисель винтами, в ту же сторону устремилось звено короткокрылых самолетов, как видно, только что поднятых по тревоге, и уже издалека донеслось приглушенное «тах-тах-тах-тах». Охамевших птеродактилей пытались если не добить, то хотя бы выработать

у них привычку держаться от столицы подальше. Лишь тогда к Валентину подбежал смахивающий на гнома абориген.

– Ты цел? – У гнома был смешной акцент.

– Я ранен, – процедил Валентин, осознав, что от банального ушиба лопатка болела бы не столь сильно и вообще иначе.

– Сам доберешься? – Туземец явно не собирался оказывать первую помощь пострадавшему.

– Сам доберусь, – зло буркнул Валентин. Лопатка здорово саднила, и по ней, кажется, струилась кровь.

Туземец побежал дальше по своим туземным делам. Еще вчера Валентин вволю посмеялся бы принятому на Дне стилю бега – сильно наклонившись вперед и загребая воздух руками, как плывущая собака, – но теперь он уже успел окунуться в донное бытие и не видел поводов для смеха. Сволочной город – хищники над ним летают... И это еще столица! Сволочная планета... И населяющие ее карлики – сволочи. Вот этот – ясно же видел, что перед ним дипломатическое лицо, получил информацию о ранении и преспокойно удрал, даже не подумав вызвать экстренную медицинскую бригаду. Конечно, дипломатическое лицо и само доберется до торгпредства, оно даже сказала об этом туземцу, но пиетет-то должен быть! А если не пиетет, то хотя бы обыкновенное сострадание!

Изощряясь про себя в придумывании новых гнусных эпитетов здешним гномам, Валентин заспешил к торгпредству.

– Привыкайте, – внушал ему полчаса спустя Леонардо Квай, молодой рыжий парень, одолженный Валентину торгпредом в качестве помощника. – Это Дно. Каково местечко, таков и народец. Никаких комплексов. Примитивный рационализм. Переговоры с ними вести – скука смертная. Что?.. Бессердечные скоты? Ну, в какой-то степени... А вообще, зависит от точки зрения. Вот тот ваш туземец – он ведь спросил, доберетесь ли вы сами. С его точки зрения – проявил заботу. Он знает, что наша медицина не чета местной. Вы ответили утвердительно, вот он и отстал. Видел же: рана ваша не опасна, экзоскелет исправен, что же еще? С туземной точки зрения, тот карлик сделал все, что мог и что должен был...

– С-с-скотина! – шипел Валентин.

Если верить Кваю, не произошло ничего экстраординарного, но Квай был склонен упрощать. Вчера Валентин попросил его в порядке теста загадать любое число от единицы до миллиона.

– Загадал.

– Ну и что вы загадали?

– Единицу.

– Почему?

– Можно ведь? – Квай удивленно поднял рыжие ресницы.

– Можно. Но почему единицу?

– Просто принцип экономии мышления.

Кажется, этот принцип был для Квая главным правилом жизни вообще, а жизни на Дне в особенности. То ли он всегда был таким, то ли научился у туземцев.

Телесно Валентин уже почти не страдал – наложенный на рваную рану заживлятор быстро делал свое дело, – зато страдал духовно. Не-ет, от представлений о порядочности, даже таких рудиментарных, какие бывают у нормального дипломата, здесь придется решительно избавляться. Нечего церемониться с донниками – церемоний иногда заслуживают люди, но не примитивные живые механизмы.

И отлично! Тем легче будет заслужить билет домой.

Тот самый. Со щитом и лавровыми венками.

Глава 4

Уродина Астра

Он плавал в бассейне, блаженно расслабляясь после прямохождения. В здании торгпредства помещались три бассейна – один большой, общий, один малый для личных нужд торгпреда и один лечебный у медиков. Как следовало из информации о Троне Аида, каждая порядочная семья туземцев имела собственный бассейн, пусть совсем крохотный, вроде корыта. Без периодического отдыха от излишней тяжести не могли обходиться даже донники.

Туземца он слушал вполуха – принесенная им информация большего не заслуживала. Туземец был крайне мал ростом, как все донники, узловато мускулист, кривоног, волосат и подобоострастен. Плавая вокруг Валентина кругами, он все время старался искательно заглянуть в глаза хозяину – такому большому, важному, величаво медлительному. Весь вид агента демонстрировал готовность служить, и служить с радостью. Имел бы хвост – непременно завертел бы им, как пропеллером. Туземная агентура работала за деньги и туманную перспективу когда-нибудь покинуть Дно. Деньги везде деньги, иметь их всякому приятно – можно, например, оборудовать свой дом большим бассейном вместо маленького, – но главной приманкой, конечно, служила иммиграция на Терру или какую-нибудь другую развитую планету Лиги. Денежные суммы шли агентам исправно, но первый приз пока еще не достался никому.

Валентин считал это неправильным. Надо поощрить кого-нибудь одного, наглядно показав туземным коротышкам, что их заветная цель достижима, – тогда они в лепешку расшибятся, рогом будут землю рыть, а некоторые, возможно, даже поумнеют. Но не этот...

Туземец числился по транспортному департаменту. Он подробно докладывал о шоссе, протянутом еще в позапрошлом году к подножию Клоаки Сатаны, о мостах, переброшенных через свежие тектонические разломы, о нескончаемом ремонте этого шоссе, а главное, о перевезенных по нему грузах. Впрочем, после постройки близ вулкана центра управления полетом, сборочных цехов для ракет-носителей и всяческой инфраструктуры, после завоза оборудования и рабочей силы главной дорогой сделалась воздушная. Громоздкие секции катапульты доставлялись к месту грузовыми дирижаблями, а по шоссе продолжали возить всякую мелочь. Судя по характеру грузопотоков, работы близились к завершению.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.